

Чжоу Сюнь добрался до дома лишь к часу ночи. Сначала пришлось пешком идти до университетской стоянки, потом — через ночной город за рулем.

В гостиной на шкафу горел маленький ночник, мягко освещая невысокую вазу из белого фарфора. В ней стояли красные хризантемы и розы — изящные, нежные, в неверном свете они будто шептали: «С возвращением».

Рыжий котяра по кличке Дахуан, обожавший нежиться на ковре, при звуке открывающейся двери пулей метнулся под диван. Оттуда, припав к полу, он настороженно следил за незванным гостем, но, узнав в вошедшем своего «кормильца», важно выбрался наружу. Поводя боками и грациозно вышагивая, он подошел к Сюню и задрал голову, выжидающе глядя на него.

День выдался тяжелым, и Чжоу Сюнь едва держался на ногах. Он осторожно сменил обувь на домашние тапочки, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Чжоу Нина. Не зажигая света, он прошел к дивану, опустился на подушки и достал телефон, чтобы написать своему докторанту. Нужно было напомнить парню, чтобы тот ложился спать и не засиживался в лаборатории допоздна.

Разобравшись с делами и ответив на несколько сообщений от коллег, Сюнь краем глаза заметил Дахуана. Тот сидел на диване, вытянувшись, словно волк, и смотрел куда-то в сторону. Он проследил за его взглядом и вздрогнул: рядом, прищурившись от сна, стоял Чжоу Нин в пижаме.

— Ниннин, ты чего вскочил? — Сюнь невольно улыбнулся. — Я тебя разбудил?

Вот за это он и недолюбливал нынешнюю квартиру — звукоизоляция никуда не годилась. Сюнь давно решил: как только появятся деньги, построит собственный дом на окраине. Уж там-то всё будет по совести, из лучших материалов. Землю отец ему уже купил, вот только на стройку средств не хватало, да и Нин отговаривал: мол, нечего чепухой заниматься, до работы потом по три часа добираться будешь — когда спать-то?

— Вот выйду на пенсию, тогда и переедем, — обычно отшучивался Сюнь.

Нин вздохнул, подошел ближе и сел рядом, крепко обняв мужа за талию и уткнувшись лицом в его плечо.

— Без тебя совсем не спится, — глухо пробормотал он. — Любой шорох — и я начеку.

Сюнь прижал его к себе, нежно коснувшись губами уха.

— Ну всё, маленький, иди в постель, а то замерзнешь. Я весь день в лаборатории провел, одежда грязная. Сначала приму душ.

Нин нехотя отстранился, потрепал Дахуана по загривку — тот лишь лениво повел ухом — и ушел в спальню. Стоило двери приоткрыться, как рыжий прохвост проскользнул внутрь, запрыгнул на кровать и по-хозяйски устроился прямо на подушке Чжоу Сюня.

Этот кот рос не по дням, а по часам. Сейчас в Дахуане было добрых восемь килограммов — огромная меховая туша, занявшая собой всё пространство. Удивительно, как при такой комплекции он умудрялся сохранять поистине завидную прыть.

Нин попытался столкнуть его, но кот и усом не повел.

— Ладно, сиди, — рассмеялся Нин. — Погоди, придет старший папа, он тебе задаст.

Сюнь зашел за пижамой, но Нин его остановил:

— Иди мойся, я сам найду. Сегодня было солнце, я всё перестирал, и пижаму твою тоже.

Пока Сюнь стоял под струями воды в душевой кабине, Нин принес чистую одежду и сложил её в корзину.

— Что там у вас стряслось? — спросил он через стекло. — Снова какие-то проблемы, раз ты так задержался?

Сюнь выключил воду, намыливая голову.

— Не самая приятная история. У коллеги случился профессиональный контакт в лаборатории, пришлось возиться с протоколами профилактики.

— Что?! — Нин похолодел.

Чжоу Сюнь и его отдел специализировались на изучении ВИЧ. Все эти механизмы взаимодействия вируса с иммунной системой, мутации лекарственной устойчивости... Нин честно пытался вникнуть, но от одних названий — клетки CD4, Т-лимфоциты — у него начинала болеть голова. Он знал главное: работа мужа связана с колоссальным риском. Чжоу Сюнь входил в группу лиц с самой высокой вероятностью заражения. Нин постоянно жил в тревоге, и никакие заверения Сюня о безопасности или новых протоколах лечения не помогали. Он подозревал, что муж просто пытается его успокоить.

Но Нин видел, как Сюнь любит своё дело, как он загорается, когда говорит об открытиях. Для Сюня это был не просто труд, а смысл жизни. Нин не мог, подобно родителям, тянуть его назад, предлагая бросить науку ради семейного бизнеса. Поэтому он лишь вздыхал и говорил: «Ого, вот это масштаб» или «Вы молодцы, отличная идея».

— Всё очень серьезно? — Нин затаил дыхание.

— Да нет, жить будет, — отозвался Сюнь. — Просто кровь пациента попала на садину на руке. Но вирусная нагрузка там, судя по всему, зашкаливает, так что риск есть. Примерно... — Он на секунду задумался, подбирая цифры, — несколько сотых процента.

Он любил точность, но для Нина эти цифры были лишь пустым звуком.

— Он, должно быть, очень напуган? — спросил Нин. Ему всегда казалось, что Сюнь — единственный человек в мире, который не боится того, что изучает.

— Не знаю, — честно ответил муж.

— Как это — не знаешь? Вы же столько времени провели вместе.

Сюнь вспомнил, как держался Цинь Су. Ни тени паники, ни одной лишней эмоции.

— Профессор Цинь — человек опытный, — рассудил он. — Столько лет в профессии, к такому всегда нужно быть готовым. Да и какой толк в страхе, если нужно действовать по протоколу? Он уже принял блокирующие препараты. Теперь остается только надеяться, что у того пациента нет резистентности к стандартной схеме, иначе придется менять терапию.

В представлении Нина «профессор Цинь» был солидным мужчиной лет пятидесяти. Сам Сюнь до сих пор ходил в доцентах — в их университете получить полную ставку профессора было задачей почти невыполнимой, конкуренция жесточайшая. Поэтому Нин даже не допускал мысли, что Цинь Су может быть молод.

— А как же его семья? Жена, дети — они рядом?

Сюнь снова включил воду.

— Он не женат. — Перед глазами всплыл образ Син Вэньфэя, и Сюнь невольно качнул головой, решив не выдавать чужих секретов.

— Совсем один? — Нин искренне расстроился. — В такой ситуации оказаться одному... это же страшно.

Сюнь подумал, что одиночество — еще не самое худшее. С таким «заботливым» парнем, как Син Вэньфэй, пожалуй, захочется сбежать на необитаемый остров. Тот не выглядел человеком, способным на поддержку: типичный изнеженный мажор, привыкший, что мир вращается вокруг него.

— Я навещу его в ближайшие дни, — сказал Сюнь, выходя из душа. — Побочные эффекты от терапии у него тяжелые, нужно присмотреть.

— Может, ему нужно подкрепиться? Поднять иммунитет? — оживился Нин. — Я могу приготовить куриный бульон с грибами ежевиками. Отнесешь ему?

— Не слишком ли много хлопот?

— Никаких хлопот, — отмахнулся Нин.

С тех пор как они наняли помощницу по хозяйству, Нин готовил редко. В глазах Сюня кулинария была сложнее любого лабораторного эксперимента — тут требовался истинный талант, и он не хотел, чтобы муж утруждался.

Высушив волосы, Сюнь взялся за Дахуана. После пяти минут упорной борьбы и «игры в перетягивание кота» победа осталась за человеком. И не потому, что Сюнь был сильнее, просто Дахуану надоело сопротивляться. Отвоевав подушку, он наконец-то нырнул под одеяло к мужу.

— Слушай, — прошептал Нин, когда Сюнь обнял его, — а твоему профессору Циню сейчас правда очень тоскливо одному?

Сюнь уткнулся носом в шею Нина, вдыхая родной аромат кедра.

— Глядя на него, я понимаю, какой я счастливчик. Спасибо, что ты у меня есть, Ниннин.

Нин погладил его по волосам.

— Спи уже, — нежно сказал он, хотя сам сна не чувствовал.

Чжоу Сюнь обладал удивительным даром: стоило ему закрыть глаза, как он, очищенный от формул и графиков, мгновенно проваливался в глубокий сон. Коллеги-ученые, вечно страдающие от бессонницы, наверняка прокляли бы его за такую безмятежность.

Сюнь уснул почти сразу. А Нин лежал в темноте, слушая мерное дыхание мужа, чувствуя запах шампуня и легкий шлейф домашнего парфюма с нотками бергамота.

«И тебе спасибо, Сюнь», — беззвучно прошептал он.

Син Вэньфэй отправил водителю сообщение: «Свободен, заезжать за мной не нужно».

Мастер Лу был до глубины души тронут: «Надо же, как прикипел! Неужели младший гендиректор наконец остепенился?» В его представлении женщина, сумевшая захомутать наследника империи Син, должна была обладать хваткой бульдога и хитростью лисы. Богачи, конечно, те еще гуляки, но и среди них встречаются однолюбы. Мир полон чудес.

Лу уехал, гадая, как же выглядит эта таинственная пассия. Наверное, студентка или аспирантка университета S? Обычной девчонке из общежития Син Вэньфэй вряд ли бы позволил диктовать условия.

Впрочем, сам Вэньфэй в этот момент был далек от «романтических лавров», которые приписал ему водитель. О том, чтобы обнимать красавицу, не шло и речи.

Цинь Су, хоть и казался мягким, словно вода, на деле обладал удивительной текучестью: Син Вэньфэй наступал — он обтекал, Син Вэньфэй требовал — он мягко уклонялся. Он не гнал его взащей, но и радости от его присутствия не выказывал. Держался ровно, прохладно, ни капли лишнего тепла.

Впрочем, для Вэньфэя и это было прогрессом. Если бы его выставили за дверь, пришлось бы выбирать: либо гордо уйти, либо позорно кланяться прощение. Ни то, ни другое не к лицу солидному руководителю.

Цинь Су всегда был таким — бесконфликтным. За годы учебы и работы он ни с кем не разругался, коллеги его ценили, а начальство всегда было готово поддержать.

Син Вэньфэй прокручивал в голове их разговор, пытаюсь нащупать хоть какую-то опору. За годы ведения бизнеса он привык к двусмысленным ответам чиновников. Его кредо было простым: пока не сказано окончательное «нет», всё можно переиграть. Нет неразрешимых проблем, есть только неправильно подобранные ключи. В конце концов, нет вечных врагов — есть только вечные интересы. А уж если речь идет о Цинь Су, который его когда-то любил, то шансы на успех и вовсе должны стремиться к ста процентам.

Голова у Цинь Су раскалывалась, во всём теле разлилась неприятная ломота. Он ворочался на диване, не в силах найти удобное положение.

— Что такое? — тут же отозвался Вэньфэй.

— Пойду в спальню, — выдохнул Цинь Су.

Ему было жаль покинуть согретое место, но оставаться в гостиной не было сил. К побочным эффектам терапии добавилась простуда — шутка ли, провести полвечера в одной майке на сквозняке.

Вэньфэй, почуяв возможность быть полезным, подскочил, чтобы помочь ему встать. Цинь Су не стал сопротивляться. Когда он потянулся за одеялом, Вэньфэй перехватил его и послушно пошел следом за профессором в спальню.

Обстановка квартиры поражала своей аскетичностью. Ни одной дорогой вещи, всё просто до предела. Вэньфэй невольно вздохнул: неужели Цинь Су так стеснен в средствах? Может, стоит подарить ему квартиру попроще?

Цинь Су тяжело опустился на кровать. Сил не осталось даже на то, чтобы натянуть одеяло.

— Одеяло, — напомнил он застывшему Вэньфэю.

Тот поспешно укрыл его и огляделся.

— Кровать у тебя какая-то узкая. Где мне лечь? Есть еще подушка?

— Уходи, — закрыв глаза, прошептал Цинь Су. — Я вымотан. Давай поговорим, когда мне станет легче, хорошо?

<http://bllate.org/book/17514/1657652>